

Мария
Мартенс

В прошедшем
времени

16+

Мария Мартенс

В прошедшем времени

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Мартенс М.

В прошедшем времени / М. Мартенс — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Молодой доктор, только что окончивший медицинский вуз, получает заманчивое предложение: поехать на один месяц врачом общей практики в сельскую больницу. В ходе собеседования выясняется, что придется отправиться в прошлое, в 1952 год. Герой соглашается, понимая, что приобретет бесценный опыт. Однако он еще не знает, что решать придется не только медицинские, но и этические и нравственные задачи. Допустимы ли личные отношения между пациентом и врачом? Могут ли чувства влиять на принятие решений? В книге есть: перенос во времени, неидеальные герои, романтическая линия, медицина прошлого века, клинические случаи и примеры трудной диагностики. Автор книги Мария Мартенс в прошлом врач - терапевт, сейчас занимается психологией.

Содержание

2018 год	6
2005 год	12
1952 год	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Особая благодарность автора
Л.Ф. Палатовой – за вдохновение,
А.В. Вахабову – за советы
и медицинские коррективы,
К.В. Кряжовой – за иллюстрации к книге

2018 год

Чай был крепким, сушки – твердыми, а диван – продавленным. За окном маячил рассвет – та его стадия, когда вдруг становится светло как днем, хотя солнца еще не видать. Было прохладно, из приоткрытого окна отчетливо дохнуло свежей листвой, перебивая запах больницы и вездесущего дезраствора.

В эти белые ночи выпускники и влюбленные гуляют по набережной, туристы жгут костры и поют песни под гитару, дачники выползают на крыльцо вдохнуть аромат цветущего жасмина. Нормальные люди спят, хулиганы дерутся, и один я, как дурак, дежурю в приемном хирургии. В пять утра мне всегда отчетливо кажется, что у меня больше нет сил. Вечером – не кажется, там просто некогда. И ночью не кажется. А вот к пяти утра, если удастся перевести дух и выпить чаю, начинается та самая «темная ночь перед рассветом», когда толком не можешь ни спать, ни бодрствовать и остается просто сидеть и пить чай. Грызть сушки. Внушать себе, что так организм тоже отдыхает – когда не работает.

С вечера все было спокойно – два острых живота, непроходимость, разнообразные почечные и кишечные колики... Колики я купировал, кишечную непроходимость разрешил, один острый живот взял на стол – там оказался аппендицит, другой «подарил» гинекологам – они опознали в нем что-то свое. А ночью откуда ни возьмись поехали «скорые» – и все по нашу душу.

К пяти утра, когда в работе намечился просвет, я окончательно иссяк. Заварка. Сушка. Вторая. Больше двух я почти никогда не съедаю, но иногда, чисто из принципа, надкусываю третью – должно же и у меня быть право на удовольствия.

От чая толку – ноль. От сушек – тоже. Нервная система упорно показывает низкий уровень заряда. И как, спрашивается, доработать смену? Где взять сил?

И тут, видимо, чтобы я долго не переживал, в приемном раздается мелодичная трель – это рвется к нам очередная «скорая». Ну вот, сразу бодрости прибавилось.

Ухнули железные двери, загремела каталка. Я услышал, как медсестра Света ругается с фельдшером «скорой» и пошел разнимать, стараясь унять дергающийся глаз. Все начиналось сызнова...

Без двадцати восемь я уснул, сидя на диване, и для меня наступило завтра – в смысле, оно стало сегодня.

Без десяти восемь я начал передавать дежурство, ровно в восемь закончил, потом вышел из отделения и оказался в отпуске.

До дому мне было двадцать минут ходу пешком. Погода стояла чудесная, июнь вдруг вообразил себя настоящим летом, а не его продромальным периодом, как это обычно бывает на Урале, так что я с удовольствием (насколько это вообще возможно после дежурства) прогулялся. Можно было бы и поторопиться – день предстоял насыщенный, но, честно говоря, спешить не хотелось. Насиловать психику после бессонной ночи – дело неблагодарное. Впереди маячил отлично спланированный отпуск... Впрочем, обо всем по порядку.

Месяц назад у нас с женой состоялся неожиданный разговор. Она предложила в отпуск поехать куда-нибудь с детьми.

– Так мы ж, вроде, едем к моим, в деревню. – Я был опять с дежурства и, что называется, «плохо схватывал».

– Да, туда – само собой... Давай на юг поедem. Ребята море только на картинках видели.

– Море – это хорошо, конечно... Но мы, вроде, не планировали, где денег-то взять?

– Я посчитала уже. В Крым вполне получается, если на машине.

– На машине... И сутки простоять, ожидая парома?

– Да мост же построили через Керченский пролив! Я уже и жилье нашла. Не пять звезд, конечно, но вполне пристойно.

Тут я понял, что старое правило «не готов к разговору – перенеси» придумано не зря. Жена к разговору, похоже, готовилась неделю – узнала цены, прикинула расходы на бензин, наверняка посмотрела отзывы и списалась с кем-нибудь, а потом уже начала меня обрабатывать, причем с неплохими шансами на успех. Дети моря действительно еще не видели – это раз. Денег, похоже, хватает – это два. И в-третьих, – в нормальном отпуске мы не были лет восемь, если не считать регулярных поездок в деревню к моим родителям.

– Слушай, все ездят. Петровы только что вернулись в восторге, рассказывали. Тоже на машине. Говорят, если мы поедem – они нам весь маршрут распишут, с остановками и рекомендациями...

Мне стало все ясно, но было уже поздно. Если у моей жены в голове зажглась лампочка – проще не мешать. Да и, в конце концов, что я, сам не хочу поехать на море с семьей?

И я сдался. Не стал проверять подсчеты – с этим у нее было лучше, чем у меня. Не стал смотреть выбранное жилье. Выбирать в конечном итоге все равно будет она, ее требования куда выше моих скромных притязаний. Так что я просто сказал: «Хорошо, давай». И ушел спать, а в душе у меня зашевелилось предчувствие Настоящего Отпуска.

Одно несколько омрачало – сутки, предшествовавшие «дню икс», я дежурил. Но супруга заверила меня, что упакует себя и детей без моей помощи и даже вызвалась собрать мой чемодан – ей, видно, очень хотелось поехать. От помощи в сборе моих вещей я отказался, а в остальном – с радостью согласился.

В конце концов у нас созрел план: в день после моего дежурства мы собираемся и выезжаем из города, заезжаем к моим родителям – это по дороге, часа четыре от города, – и остаемся у них ночевать. До деревни рулить будет жена, а я высплюсь. Следующим утром встаем пораньше и гоним в Крым.

Мы все рассчитали, и время вдруг стремительно полетело. Пронеслись две недели до отпуска – как пуля у виска, настал последний рабочий день, а за ним – рабочая ночь. Чем ближе к отъезду, тем быстрее, казалось, неслись часы и минуты, и вот уже я был в отпуске, оставалось только дойти до дома и окупиться в суету предстоящей поездки.

Я быстрым шагом прошел расстояние от работы до дома, пытаюсь на ходу перестроиться из «боевого» режима в «отпускной-поездочный», взлетел по ступенькам на третий этаж и сунул ключ в замочную скважину.

В квартире было тихо. Спят, что ли? Да не может быть! Я переобулся, прошел в комнату, кивнул супруге, – она сосредоточенно перебирала на диване дорожную аптечку, и пошел в душ окончательно смывать с себя дежурство.

...Нет, никто не спал. Старший наследник крошил монстров, и кровавые ошметки летели во все стороны. Вспышки магического света бликовали на его невозмутимом лице, делая его похожим на индейского вождя. Я огляделся. Бардак в комнате наполовину перекочевал в раскрытую дорожную сумку, но, похоже, решил в пути передохнуть. Я покачал головой и задумчиво произнес:

– Если кто-то хочет ехать на море, он прямо сейчас выключает компьютер и заканчивает собираться. Выежаем через час. Кто из вас соберется первым, должен будет поймать Ватсона – мы завезем его к бабушке по дороге. Время пошло.

Ни один мускул не дрогнул на его невозмутимом лице – нельзя отвлекаться, когда кругом зомби. Наконец он удовлетворенно кивнул, «сохранился» и нажал на крестик в углу экрана. Я поспешил отойти, чтобы сын не заметил, что я за ним слежу.

У младшего дела шли лучше. Вместе с матерью они уже упаковали все вещи, провизию, мультиварку, работающую от прикуривателя, аптечку пляжную и аптечку дорожную, а его собственная сумка уже стояла, застегнутая, в коридоре. Рядом с моей. Они все-таки собрали ее без меня.

Я расстегнул молнию своей сумки, порылся. Вроде бы все, что нужно. Посмотрел одежду, проверил футболки, майки – пойдет.

От себя решил добавить что-нибудь почитать, в твердокопийном варианте. Можете считать меня старомодным, но я люблю настоящие книги. Бумажная книга не вздрагивает у меня в руках, не раздражается трелью и не выдает поверх текста какое-нибудь сообщение. А еще с ее помощью меня нельзя вызвать на работу. И вообще, есть в них что-то такое, чего нет в технических устройствах.

В поисках подходящего чтива я сунулся в шкаф, и тут меня накрыл ступор – обычное дело после ночи, проведенной на работе. Я завис перед полками, пробегая взглядом книжные корешки.

Ничего не хотелось. Стояли передо мной читанные-перечитанные Рекс Стаут, Конан Дойль, Стругацкие, целая полка современного криминального детектива... Не сегодня. Я выбрал Брэдбери – «Марсианские хроники», «Прощай, лето», «Вино из одуванчиков» в одном сборнике. Он стоял далеко, вторым рядом, и мне пришлось вынуть несколько книг из первого, чтобы добраться до него. В руки мне выпал Булгаков «Записки юного врача», от неожиданности я не смог его поймать, и книга с глухим стуком рухнула на пол. С реакцией у меня сегодня было не очень.

– Саш, ты что там делаешь? – раздалось из соседней комнаты.

– Книжку с собой выбираю! – как можно непринужденнее крикнул я в ответ. В этом деле я предпочитал обходиться без помощников. Книга валялась на полу, гостеприимно распахнутая. Я наклонился, пощупал переплет – вроде бы на месте. При ударе об пол из книги вылетел сложенный вчетверо тетрадный листок, совсем желтый от древности. Я не удивился – каких тайн не хранят порой старые книги, – но листок поднял и развернул. Там было стихотворение Ахматовой, старательно переписанное от руки пером и чернилами, внизу, под ним,

пара строк – обращение ко мне с приглашением к переписке, еще ниже значился почтовый адрес некой Ольги Яковлевны Зарецкой. Листок был совсем ветхий и едва не рассыпался у меня в руках. Я застыл как вкопанный. Я вспомнил, откуда он у меня...

Булгакова я бережно поставил на место. Страхнул оцепенение, отложил воспоминания до более подходящего момента. Сложил книги в сумку, поколебавшись секунду, прибавил еще для разнообразия Стаута – авось не подерутся. И с головой окунулся в предстоящее путешествие и домашние хлопоты перед отъездом: прошелся и проверил закрытые форточки, розетки, полил цветы...

Потом жена отняла у меня лейку и настойчиво повторила просьбу ничего не делать вообще. Оказалось, что цветы она полила еще вчера, а с утра младший на всякий случай еще раз их полил – на этот раз горячей водой...

Ватсона нигде не было. Естественно, он с утра заподозрил неладное, увидев сумки и уловив общее настроение, и теперь затаился, надеясь, что его не найдут. Он, вероятно, любил бывать в деревне, но вот самому переезду всегда отчаянно сопротивлялся, и его отлов давно стал в нашей семье особой формой коллективного развлечения, где-то между квестом и сафари. Но сегодня пусть ловят сами, я пас.

Я унес к машине первую партию вещей, перебрался парой фраз с соседом, тоже на днях уезжавшим – в Анапу. Потом принес вторую часть и остался ждать у машины. День обещал быть жарким, но двор еще хранил прохладу.

Несколько минут спустя явились братья, оба в свежих царапинах, но довольные. Вдвоем они тащили огромную переноску, из которой на весь двор раздавались тяжелые глухие удары и изошренный кошачий мат. Таков уж Ватсон – с юных лет он не терпел над собой никакого насилия и мог дать отпор кому угодно. Право на самостоятельное передвижение стало для него единственной ценностью после того, как его кастрировали. Он набрал вес, заматерел и в любом поединке был готов дорого продать свою свободу – вот и сейчас, похоже, отделал ребят, как смог...

Но шансов у него не было. Переноску водрузили на заднее сиденье, кот затих, но продолжал мрачно глядеть на мир сквозь сетчатое окошко, явно чувствуя себя как та курица из анекдота – ошипанным, но не побежденным.

Мы выехали с задержкой в полтора часа – вполне допустимая погрешность. Большую часть времени в дороге я спал – не будили ни шумные разговоры про море и купания, ни вопли Ватсона, изредка выпускаемые им на самых плохих участках дороги, ни радио.

Когда под колесами привычно зашуршала грунтовка и замелькали знакомые березки-елочки, я вдруг проснулся и завертел головой. Почти приехали. Дорога здесь была неважная, и всегда приходилось сбрасывать скорость и ползти десять километров в час. Медленная езда располагала к непринужденной беседе.

– Расскажи еще раз, куда едем-то?

– Алупка, это от Ялты семнадцать километров. Дом в частном секторе. Сдавать нам его будет некая Стрижова Ольга Яковлевна. Судя по разговору, она примерно наша ровесница. Мы созвонимся с ней, когда приедем, и она даст нам ключи. Больше пока рассказывать нечего. На картинках – очень круто. И море видно, и горы... Ой, ты чего?

Я поперхнулся и закашлялся, замахал руками – мол, все в порядке. Ольга Яковлевна, значит... Ну, пусть будет еще одна Ольга Яковлевна, что тут такого, в самом деле.

А тем временем мы приехали. Отворились ворота, разбежались в стороны перепуганные курицы, залаяла собака. Выпорхнула мама, обняла нас всех по очереди и потащила к столу. Отец уже топил баню. В доме мы осторожно выпустили Ватсона, и он немедленно смылся в подвал, где пахло мышами и свободой.

Остаток дня прошел как в тумане. Застолье, баня, опять застолье... Разговоры о том, что крышу пора ремонтировать, что мальчики выросли за зиму – не узнать, что редко приезжаем, а других помощников нет, а работать в саду все трудней.

Эта история повторялась каждый год, с незначительными вариациями. Заканчивалась она всегда нашим обещанием поучаствовать в ремонте, веселой стройкой на весь отпуск и, по завершению, – сожалением, что недолго пробыли и не успели отдохнуть.

Наконец, пообещав на обратном пути заехать и задержаться, насколько хватит отпуска, чтобы помочь везде и всюду, я уполз спать пораньше – меня начало «срубать» еще за столом. Увидев расстеленную кровать, я был готов прослезиться от счастья и рухнул в нее как подкошенный.

Следующим утром мы собрались в дорогу. Выспался я отлично, и вполне был готов рулить. Мама успела напечь шанег и уговаривала нас взять их с собой побольше – «дорогато дальняя».

Наконец мы попрощались, еще раз пообещали вернуться до конца отпуска и тронулись в путь.

В окнах машины замелькали поля и деревни, потом мы выехали на федеральную трассу. Ребята спали, жена смотрела в окошко, готовая сменить меня, как только я устану – такой был уговор. От нечего делать, я решил выяснить у нее хоть какие-нибудь подробности:

– А чего, интересно, эта Ольга Яковлевна сама в своем доме не живет?

– А она, не поверишь, вообще в Крыму не живет, – ответила супруга. – Дом ей достался в наследство, она приехала его оформлять и сразу же решила сдать – сезон же. Живет она в Москве, а предки ее, будешь смеяться, вообще из наших краев, да и сама она тоже. Ольга эта, помню, еще удивилась, когда узнала, откуда мы едем. Сказала, вроде как бабушка ее – наша землячка. В свое время эта бабушка перебралась в Крым, и теперь у них там недвижимость. Кстати Ольгу даже назвали в честь бабушки.

Моя жена разговорит любого, что вы хотите – участковый невролог. Я совершенно не удивился, что посторонний человек по телефону сразу же рассказал ей историю своей семьи, такое бывало не раз. Удивительным во всем этом было другое – такое количество совпадений я просто не мог считать случайностью.

Но чтобы все подробно объяснить, мне придется сделать отступление и рассказать невероятную историю, которая произошла со мной в далеком июне две тысячи пятого года, когда я только окончил медицинский институт. Рассказывать об этом раньше я не имел права, а теперь, когда уже стало можно, история начала забываться. Все это время она удобно лежала на самом дне моей памяти, и я ни за что бы не стал тревожить прошлое, если бы не череда совпадений, которые заставили меня вспомнить о ней. Означает ли это, что история еще не окончена?

Теперь, по прошествии стольких лет, я совершенно убежден, что случайностей не бывает и события прошлого, настоящего и будущего связаны между собой гораздо сложнее, чем можно себе вообразить. Не менее сложным образом связаны между собой и люди. Будучи не в силах понять природу этих связей, мы можем только наблюдать, как ежедневно они проявляют себя в жизни. Мне просто посчастливилось увидеть немного больше остальных.

Впрочем, если вы не верите в такую взаимообусловленность, то можете смело считать мой рассказ научной фантастикой. По сути, он таков и есть, все события, учреждения и персонажи являются вымыслом, а любое их сходство с реальными следует считать простым совпадением. Я нарочно изменил, переврал и сделал неузнаваемыми все обстоятельства и детали, чтобы никаким образом не нарушить ни конфиденциальность, ни порядок вещей. Единственное, что осталось без изменения, – это удивительный механизм Времени, который сводит вместе несочетаемые при других условиях переменные, – то есть нас, людей, причудливо сплетая

наши биографии между собой. Для чего? Вероятно, чтобы сделать их ярче и интереснее. Другого ответа я так и не нашел. Итак...

2005 год

Я проснулся около одиннадцати и сразу вспомнил, что вчера от меня ушла Анька. Ушла, как всегда, навсегда, хлопнув дверью и на весь блок прокричав гневную тираду, в которой мне давалась крайне нелестная характеристика и доходчиво объяснялось, почему лицам женского пола не стоит иметь со мной дело. Теперь весь блок знает, что мы вчера поругались, причем виноватым считают, конечно, меня. «Вот скотина», – устало подумал я и начал вставать. Пытаясь попасть ногой в тапок, я обнаружил, что он только один. В поисках второго я обшарил комнату, то и дело натываясь на препятствия в виде опрокинутых стульев, и, наконец, нашел его – под тумбочкой, в мохнатой пыли, да еще с круглой прожженной дырой сверху. Наверняка это сделала Анька. В отместку за что-нибудь. С ней это бывает.

«Нет, какая все-таки зараза», – снова подумал я и собрался умываться. И тут только увидел, какой в комнате бардак. Дрались мы, что ли? Да нет, не может быть...

Два стула валялись кувырком, маленький столик был поставлен вверх тормашками и, что меня взбесило больше всего, кто-то опрокинул пепельницу и разбросал по всей комнате окурки.

Мои сожители – два студента третьего и четвертого курса – неделю назад отбыли домой на каникулы. Остался я один в комнате, чем мы с Анькой и пользовались до вчерашнего дня к полному удовольствию обоих. Какого черта ей еще нужно было?

Мозг не выдержал этих воспоминаний. Я покачал головой и тут только понял, какая она у меня тяжелая. Из глаз посыпались искры, в ушах зашумело, а в висок словно кто-то воткнул иглу. Хотелось пить. Сколько мы вчера выпили? Помню, что пришел своими ногами, Анька вроде тоже не шаталась. Видимо, ей просто нельзя пить. Сразу тянет на скандалы.

Умываться я все-таки пошел. Нельзя так жить, неумытому. Увидел Анькины тапки у входа, зубную щетку в стакане, какую-то женскую ерунду для умывания – плюнул только и ничего не сказал. Что за человек, даже уйти нормально не может, половину вещей оставила. «Вот придешь, – мстительно думал я, – вот придешь, а я съеду. И вещи твои забытые на помойку выкину. Научишься у меня уходить по-человечески!» Только я это твердил, конечно, просто так, от злости. Никуда я сам съехать не мог, наоборот, я правдами и неправдами выбил себе место в общежитии на время интернатуры, и Анька об этом знала. И пользовалась, гадина! Замок поменяю, решил я. И сразу успокоился.

Умылся я с удовольствием. Хотел еще побриться, но решил не рисковать – сильно тряслись руки. Стоит мне появиться на кухне с порезами на физиономии, и все тут же решат, что мы вчера друг на друга с ножами бросались. «Не дождетесь», – решил я, придал лицу максимально возможную интеллигентность и прошлепал на кухню, ожидая расспросов и упреков.

На кухне уже успели надымить, кипел закопченный чайник, а девчонки сидели в кружок и шушукались. Я прислушался и понял, что спасен. Обсуждалась очередная Алькина беременность. Алевтина была своего рода достопримечательностью нашего блока. Нет, она была не так, чтобы легкого поведения, просто каждый встреченный ею мужчина был Тем Самым. А народу у нас тут ходит много. Она верила каждому и никак не могла усвоить, откуда берутся дети. Вначале я ее жалел, потом надоело. Мы с ней сохраняли дружеские соседские отношения, как-то она занимала у меня деньги (уж не знаю, на что). Короче, я зашел, сказал «всем привет» и поставил еще один чайник. На меня никак не отреагировали.

– Может, родить, все-таки, а, девочки? – задумчиво произнесла Алька, томно затянувшись и красиво выпустила дым вверх. Под потолком уже висели сизые слои, которые колыхались от малейшего движения.

– Ты что, тебе же еще четыре года учиться! На что ты будешь жить с ребенком? И вообще, ты думаешь, он на тебе женится?

– Ну, жениться – это сейчас необязательно..., – неуверенно произнесла Алька. – Ой, Саша, доброе утро.

Алька ко мне тоже нормально относилась. Во-первых, я к ее беременностям отношения не имел, да и вообще она была не в моем вкусе. Во-вторых, я ее никогда не воспитывал. Может, я и сейчас не полез бы в занозу, но Оля, та самая, что уговаривала Альку пойти на очередной аборт, вдруг развернулась ко мне и с нажимом спросила:

– Вот о чем вы, мужики, вообще думаете, когда нас, женщин, используете? О себе любимых?! А что от этого дети бывают, вас, выходит, не касается?!

Я не был готов с утра к такому наезду. В другой день я, наверное, спокойно объяснил бы ей, что обобщать всех глупо, что контрацепция – вопрос личной культуры и интеллектуального развития как мужчины, так и женщины. Что в наше время, наконец, существуют способы профилактики нежелательной беременности, которые женщина может реализовать сама, без ведома партнера...

Но сегодня я совершенно не был расположен к санитарно-просветительной работе. Болела голова, хотелось пить, в ушах шумел поезд, поэтому я вдохнул поглубже и выдавил: «Я вообще никого не использую, это меня все используют кругом! Ты бы, Ольга, не лезла в чужую жизнь, в своей разберись сначала! А тебе, Алька, пора уже предохраняться научиться, раз в людях не разбираешься. Позор, не мединститут, а рабочая общага швейной фабрики...».

На полноценную кухонную перепалку сил у меня не было. Я снял с огня чайник и стал отступать. Аля беззвучно ревела в ладошку, женсовет успокаивал ее, возмущенно глядя на меня. Оля, пылая праведным гневом, встала и провозгласила: «Ты вали вообще, Саня, к себе. Не умеешь нормально разговаривать, нечего к людям соваться!». Я только покачал головой (в ней опять ухнуло) и ушел. А вслед неслось: «Это он, девочки, на нас зло срывает. Его вчера Анька бросила. Так ему и надо. И вообще так и надо с ними...»

Я вернулся в комнату взбешенным. Чтобы восстановить утраченное душевное равновесие, позавтракал таблеткой анальгина, запил ее кипятком со сгущенкой (чай кончился вчера, Анька собиралась его сегодня купить) и принялся прибираться. Перевернул стулья, стол, собрал окурки веником. Решил для себя, что на дур обижаться глупо и я не стану из-за них портить себе настроение. В общем, привел себя и комнату в относительный порядок.

Сегодня меня ждало очень важное дело, ради которого я шесть лет занимался самыми нелепыми и странными вещами, жил в постоянном стрессе, недосыпал и недоедал – надо было сходить в деканат и получить диплом. На выпускном нам очень мудро их выдавать не стали – несколько лет назад кто-то в процессе празднования окончания института документ потерял. Замучился потом, бедняга, с восстановлением и всю учебную часть замучил. Вот нам и решили выдавать в индивидуальном порядке.

Я оделся, причесал, что росло на голове, выудил паспорт из-за «Справочника врача скорой помощи» и окунулся в свой первый день в новом статусе – человека с высшим медицинским образованием.

На улице было прохладно, но вполне приемлемо для нашего лета – около 20 градусов. Стало легче, голову отпустило. По дороге в деканат встретилось мне много знакомых с нашего выпуска. Это такой закон: когда что-нибудь закончишь, первые две недели после выпускного всех постоянно встречаешь на улице. Я еще в школе заметил.

Звали обмывать диплом – не пошел. Устал я отмечать, да и как-то настроения сегодня не было. Хотел еще забежать в отдел интернатуры, посмотреть, в каких я списках. Я в хирургию заявление писал, надо узнать, куда меня определили, и принять меры, если в «шестерку» – база так себе, и ездить далеко.

Пришел, отстоял огромную очередь – опять сплошь знакомые лица. Вот диплом мне и выдали. Вот и закончил Саня институт. Куда же теперь? Впереди месяц отдыха. Планов никаких у меня не было. То есть, вернее, еще вчера были. Но Анька ушла, бежать за ней не

хотелось, и, откровенно говоря, было уже как-то все равно, вернется она или нет. Устал я от скандалов.

Вообще, жизнь – очень странная штука. Когда-то мне казалось, что если удастся получить этот диплом, я буду самым счастливым человеком в мире. Теперь диплом у меня есть, а вот счастья что-то не прибавилось...

Я обнаружил, что стою перед бывшим расписанием шестого курса, а ныне доской объявлений для выпускников, и тупо разглядываю приклеенные листочки. Для меня это нехарактерно – я вообще никогда не читаю объявлений, любую новость в общаге довольно быстро узнаешь по сарафанному радио. Но после вечерних возлияний нервная система страшно тормозила, и ей требовался периодический отдых. Так, я сообразил, что уже минут пять читаю объявление: «Требуется врач общего профиля в сельскую больницу на один месяц. Выпускник лечебного факультета, можно без интернатуры. Жилье предоставляется. Оплата достойная. Заинтересовавшихся просьба обращаться по телефону...».

Листок в клеточку, исписанный синей пастой до самых отрывных талончиков, на которых указан номер. Такие объявления можно иногда увидеть на столбах, но уж никак не в деканате – сейчас все печатают на хорошем цветном принтере. В другой день я бы и смотреть на него не стал, а тут вдруг протянул руку, оторвал талончик с номером, да и сунул к себе в карман.

И тут же о нем забыл. Пошел в отдел интернатуры, сказали, что списки вывешат после обеда. Вышел на улицу, под теплый июньский дождик, пробежался по лужам, заскочил к приятелю на работу в интернет-кафе. Так прошел мой первый день с дипломом в руках. А следующим утром мне стало ясно, что девать себя абсолютно некуда.

Я прибрался в комнате окончательно. Анька не вернулась ни вечером, ни наутро. Я набрал номер ее тетки; Аля, с которой мы к вечеру помирились, женским голосом попросила к телефону Анну и получила ответ, что она спит. Я успокоился, что Анька жива, и больше звонить не стал.

В процессе уборки появилась гора грязного белья, и я решил устроить стирку. Доставая все из карманов, обнаружил массу интересных вещей, давно мной потерянных. Я раскладывал их на тумбочке, получилась смешная коллекция: старая ручка (снаружи синяя, а на самом деле пишет черной пастой), мой перочинный ножик с вырезанной на ручке улиткой, сломанные наушники от плеера и прочая ерунда. Я представлял, что через много лет, когда я стану великим, эти вещи будут храниться в моем музее, а Анька будет всем рассказывать, как она сломала эти вот наушники, и еще там разное. Хотя почему Анька, она туда, наверное, и не придет даже. Или все-таки придет? Кто ее знает...

Среди вещей нашелся и талончик с номером телефона, и я стал его рассматривать. Номер, вроде, городской. Позвонить, что ли? И что, я готов вот так собраться и поехать врачом? Да и отпуск же, вроде. Была бы Анька тут – точно бы не поехал. Удрали бы в поход или еще куда-нибудь. А так – что меня держит? Позвоню, – решил я. Все выясню, особенно про деньги. Не устроит – откажусь. И я набрал номер. В трубке зашуршало, затем ответил женский голос. Я представился, сказал, что по объявлению. Мне назначили время и место встречи.

По искомому адресу я отправился уже через час. Порыскав по подворотням и порядком устав, я, наконец, нашел дверь с табличкой «ООО «Таймер». Входная дверь в полуподвал была изрядно потрепана, из звонка торчали два проводка с ободранной изоляцией, а из треснувшего бетонного крыльца рос огромный мохнатый одуванчик. При других обстоятельствах я обошел бы эту дверь стороной, но сейчас сомнений быть не могло – адрес был тот самый. Я нажал на кнопку звонка, от всей души надеясь, что меня не долбанет током, и дверь тотчас распахнулась. На пороге стоял мужчина средних лет с ярко-рыжей бородой и серьезными внимательными глазами.

– Чего трезвоним, когда дверь открыта? – мрачно поинтересовался он.

– Добрый день, я по объявлению насчет работы врачом в сельской местности, – выпалил я. Ладочки предательски вспотели. Я все-таки впервые в жизни нанимался на работу доктором.

– А-а... Как, говоришь, тебя зовут?

– А я не говорил, – улыбнулся я. – Александр.

– Петр, – он протянул мне руку и тоже улыбнулся. Он мне чем-то понравился. – Заходи, Саш, – пригласил он.

– Сейчас с минуты на минуту шеф придет, он поговорит с тобой.

Мы очутились в небольшом коридорчике, в который открывались две двери, а третья была заперта. Помещения больше всего походили на архив, – в обеих комнатах я увидел стеллажи с папками, высоченные, до самого потолка. И никого внутри.

Я уселся на пыльный стул у закрытой двери и начал озираться. Контора, похоже, находилась в стадии переезда. Повсюду на полу стояли коробки с оргтехникой, причем далеко не новой. Такое бывает, когда переезжают из большого помещения в меньшее и не могут в него втиснуться.

На стенах не было ни плакатов, ни календарей. Чем занималось сие учреждение, было пока решительно непонятно. Ясно было только, что оно не походило ни на отдел кадров, ни на биржу труда, ни на рекрутинговое агентство. И не было похоже, что им мог понадобиться врач. В такие конторы обычно требуются секретари, бухгалтеры или ночной сторож.

Мимо меня двое пронесли письменный стол, открыли третью дверь и затащили его в кабинет. За ним вкатили компьютерное кресло. Следом вошел человек в сером костюме, при галстуке. На вид ему было сорок пять – пятьдесят, крепкого телосложения, виски с проседью. Он прошел мимо быстрым пружинящим шагом, влетел в кабинет, рывкнул на сотрудников, которые заносили мебель, и они пулей выскочили в коридор. Он закрыл дверь. Раздалось приглушенное шипение, словно где-то открыли воду. Через некоторое время дверь снова распахнулась.

– Заходите, Александр, – сказал человек в костюме. Похоже было, что он умылся из-под крана, волосы были влажные, а лицо – в мелких водяных брызгах. Видно, денек у него выдался жарким, не в пример нынешнему лету.

Я вошел в кабинет и огляделся. На письменном столе стоял перекидной календарь с какими-то пометками, стационарный телефон. Голые стены, снова шкафы с папками, ноутбук на подоконнике. Сотовый телефон на зарядке. Опять негусто. Я смирился с тем, что сам ничего не пойму.

Хозяин кабинета терпеливо ждал, пока я осмотрюсь.

– Здравствуйте, Александр. Меня зовут Иван Андреевич Зимницкий, впрочем, вряд ли вам это говорит что-нибудь.

Я прикинул, что, если он не родственник тому Зимницкому, в честь которого назвали один хитрый анализ мочи, то его фамилия мне действительно ни о чем не говорит, и поэтому просто пожал плечами. Других Зимницких я не знал.

Он задал мне несколько дежурных вопросов, и я в двух словах рассказал о себе – чем увлекаюсь, какие предметы в институте нравились больше всего, кем собираюсь стать. И лишь после этого мы перешли, собственно, к делу.

– Начну с главного. Вам предстоит проработать месяц в сельской больнице, в достаточно непростых условиях. Из медикаментов у вас будет самый минимум, а до ЦРБ порядка девяноста километров. Как вам такая ситуация? Не растеряетесь?

Я кивнул.

– Пугает, конечно, опыта у меня практически нет. Но в объявлении было написано, что можно без интернатуры, значит, я подхожу. Врать не буду, страшновато. Но буду стараться, сделаю все от меня зависящее.

– Честный ответ, – улыбнулся он.

– Я ведь буду не один?

– Вы будете единственным доктором. Но у вас в подчинении будут фельдшер, акушерка и санитарка. И транспорт, чтобы осуществлять связь с ЦРБ. До сих пор этого хватало.

Я несколько озадачился. Надежды заручиться помощью старших коллег рухнули. Хотя фельдшер – это ведь почти как врач. Если опытный, то в сельской местности он даже покруче будет. Раз предлагают, подумал я, значит считают, что я справлюсь. А начать когда-нибудь все равно придется.

– Буду стараться, – повторил я. – А куда ехать надо?

– Отлично, – почему-то развеселился Иван Андреевич. Глаза его странно блеснули, и он выдержал паузу, изучающе глядя на меня.

– Есть один момент, Александр... Вы, конечно, будете, несколько удивлены, но далеко ехать не придется, в привычном смысле, естественно. Вам нужно будет отправиться в прошлое. В одна тысяча девятьсот пятьдесят второй год.

Шутки у него – что надо, подумал я. Фантастику, небось, любит. Впрочем, я тоже ее любил. Но одно дело – любить, а другое – поверить на самом деле.

Я замотал головой и засмеялся.

– А что, там своих врачей не хватало?

– Представьте себе, не хватало. Особенно в деревнях – там всегда кадровый дефицит, а уж в послевоенные годы...

Я вдруг подумал – а что, если он не шутит? Если это розыгрыш, то на кой черт ему это надо?

– Александр, вам предлагается стать участником научного проекта, который связан с так называемыми путешествиями во времени. Я представляю закрытый научно-исследовательский институт, в котором разработаны и изучаются темпоральные перемещения. У вас будет возможность совершить такое перемещение, а материал, представленный вами, будет иметь большое научное значение. Вам выдадут формы, которые во время командировки нужно будет заполнить, и по возвращению написать несложный отчет. Кроме того, вы получите незабываемые впечатления и опыт, который ни с чем не сравнится.

– Я не очень понял. Что за проект?

– Всего объяснять не буду, но суть такова. В этой больнице в конце пятидесятых полностью сгорел архив. Нам необходимы документы, хранившиеся в нем, и мы восстанавливаем их таким вот необычным образом.

– Но почему просто не предотвратить пожар? Это ведь упростит задачу?

– Проблема в том, что мы не можем прямо влиять на ход событий и изменять его. Конечно, длительное пребывание в пятьдесят втором году людей из нашего времени тоже представляет определенный риск, однако после тщательной оценки ситуации было принято решение восстанавливать архив именно таким образом – силами наемных работников, ненадолго и незаметно «вписывая» их в окружающую действительность. Было решено, что это все же меньшее зло...

Там полгода вообще не было врача, работал один фельдшер. Так что мы согласовали некоторые формальности, утрясли бюрократическую сторону вопроса, и теперь ваше присутствие будет абсолютно легально. У вас будет и направление, и документы, и паспорт. Но во избежание недоразумений лучше минимизировать общение с представителями органов правопорядка – то есть не совершать правонарушений. Впрочем, на них у вас вряд ли будет свободное время.

Он рассмеялся.

– Но ведь это тоже вмешательство в ход событий! А если я кого-нибудь не смогу вылечить, и человек умрет – а на самом деле должен был жить? Или наоборот...

– Александр, судьбу человека не так-то просто изменить. Если кому-то суждено умереть, это в любом случае произойдет. Вы смотрели фильм «Машина времени» по роману Герберта Уэллса? Там главный герой создает машину времени, чтобы предотвратить гибель своей возлюбленной, но сделать этого не удастся – девушка все равно погибает, но уже при других обстоятельствах. Если мы предотвратим пожар – вступит в действие закон равновесия, и трагедия произойдет все равно – каким-либо другим способом. Если вы назначите лечение, которое человек не должен был получить, закон равновесия тоже вступит в силу – на уровне организма, и случатся какие-нибудь осложнения. То есть природа все равно возьмет свое.

Разумеется, вы должны будете соблюдать определенные правила, а если что-то пойдет не так – мы просто предотвратим нашу сегодняшнюю встречу и вернем все, как было. На вашей доске объявлений в институте не появится наше объявление, вы его не прочтете и не придете сюда. Так что, если этот опыт вам нужен, вы заинтересованы соблюдать инструкцию.

До вас трудился молодой человек, который восстановил июньские документы, а вам, стало быть, достанется июль. Теперь стало яснее?

Я помотал головой.

– А в чем суть исследования, какова его цель?

Он устало засмеялся.

– Вот заканчивай учебу, приходи к нам в аспирантуру, оформляй допуски. И все тебе будет – и цель исследования, и задачи, и план научной работы на ближайшие лет десять. А пока – хочешь, соглашайся, хочешь – откажись. Сверх того, что сказано, ничего не прибавлю. А деньги вполне приличные, чтобы не задавать лишних вопросов.

– А если я откажусь – вы что, меня просто так отпустите? Или возьмете с меня какую-нибудь подписку, чтобы я не разболтал?

Он улыбнулся и осторожно поинтересовался:

– Саша, что вы делали последние несколько дней?

– Пил, – зачем-то сознался я. Это его совершенно не касалось, я мог бы ничего не говорить.

– А что делали ваши друзья?

– Тоже пили. Выпускной же!

– Ну вот. А вы хотите после этого рассказать друзьям про машину времени, и как вам предложили на ней покататься. Как вы думаете, вам поверят?

Блин, подумал я, а он ведь прав. Ладно, если только посмеются и спросят, не употреблял ли я чего помимо алкоголя. А ведь могут решить, что психоз, и сдать куда-нибудь. Рядовым гражданам, конечно, принудительная психиатрическая помощь не оказывается – только в самых крайних случаях. Но вот если у вас в друзьях имеются медики, которые только что окончили институт, то будьте уверены – вас в беде не бросят. Эти черти и договорятся с кем нужно, и сами уколют и прокапают. И ведь препараты найдутся – чего только в общаге не достанешь!

– Да уж! Лучше не болтать, – засмеявшись, признал я. – Кстати, о деньгах...

Он достал калькулятор, набрал сумму и повернул его ко мне. Я икнул. Нет, там был, конечно, не миллион долларов, но вполне приличная сумма, которой мне в месяц, наверно, никогда не заработать – примерно семь городских врачебных окладов. Это был, честно говоря, самый веский аргумент. Но сомнения еще оставались, и я спросил:

– А если моих знаний не хватит? Я ведь не работал врачом, только практику проходил.

– Ваши предшественники успешно справлялись. Во-первых, вы все-таки будете не один. У вас в распоряжении сильная команда, значительно старше и опытнее вас, и им вы будете представлены как начинающий специалист. С вами будут работать фельдшер и акушерка –

они и подскажут, и направят. Акушерка занимается беременными, неосложненная гинекология тоже вся пойдет к ней, так что вам будет полегче. Во-вторых, главное, чтобы вы своевременно осуществляли направление пациентов, которых не в состоянии вылечить на месте, в ЦРБ. А в деревне вам остаются сопли, кашель, раны-порезы-ушибы и хронические больные, которых до вас уже кто-то лечил и что-то назначил. В-третьих, у вас будет медицинская литература, в которой освещены актуальные вопросы медицины того времени.

Я слегка занервничал.

– Можно, я дам ответ завтра? Сегодня почитаю, подготовлюсь и решу, справлюсь я или нет.

– А к чему готовиться? Угадать, с чем столкнетесь, не получится. Да и знания, которые можно почерпнуть из ваших книг, там не слишком пригодятся, – большинства препаратов еще нет, представление о болезнях и лечебных подходах несколько отличается от привычного вам. Лучше будет учиться в процессе, тем более что для этого будет все необходимое.

– Получается, можно отправляться хоть сейчас?

– Можно. Честно говоря, именно это я и собирался вам предложить.

– А если я соглашусь, как все будет происходить?

– Мы подпишем договор. Далее вы переоденетесь в аутентичную одежду того времени, возьмете с собой стандартный набор: книги, одну смену одежды, белье, предметы личной гигиены, соответствующие эпохе, документы, удостоверяющие личность. Всем этим мы вас обеспечим. И, собственно, можно отправляться. Транспортировка туда будет выполняться из удаленной точки, а вот назад можно будет вернуться прямо сюда, в наш офис.

До места вы поедете нашим транспортом, в кузове, обзора у вас не будет. Это не из неуважения, сами понимаете... Просто техника перемещения во времени представляет собой закрытую научную разработку, и ее местоположение держится в секрете.

Вас встретит наш сотрудник, он ответит на любые возникшие вопросы и переправит к месту назначения. Еще раз подчеркиваю: с собой берете только разрешенное, согласно утвержденному списку, все будет тщательно проверяться. Личные вещи, документы, деньги, телефон сдадите по описи, вам будет выделен шкафчик для хранения. Впрочем, как вы понимаете, это формальность, ведь вы можете вернуться в ту же самую минуту. Кстати, это на ваш выбор.

– А как обычно делается? – спросил я.

– Все зависит от вашего желания. Сотрудники, которые часто ездят в такие командировки, обычно предпочитают вернуться через реальный период отсутствия – две недели, месяц. Так несколько проще адаптироваться, плюс человек может за время командировки измениться внешне – загореть, отрастить бороду, пораниться и приобрести шрам, которого для окружающих еще вчера не было. При частых командировках рано или поздно проявляется эффект старения, так что лучше, чтобы близкие старились вместе с вами. Скрыть неоднородное течение времени довольно трудно, если вы живете в семье. Но в вашем случае все несколько проще. Живете в общежитии, один, друзья разъехались... Выбирайте сами. Вот договор, читайте, если со всем согласны – ставьте подпись с расшифровкой, вот здесь.

Я взял договор, пробежал глазами и кивнул. Все равно в бумагах я был не силен, а на первый взгляд – вроде все ясно. Я даже удивляться перестал, чувствовал себя так, словно просто устраивался на работу.

– Пожалуй, я бы хотел вернуться в тот же день. Можно к вечеру. Продлю себе каникулы на месяц.

Он захохотал.

– Студент – он и в Африке студент! И в прошлом, и в будущем. И в настоящем. Ну, если вопросов больше нет, можете отправляться. Будьте предельно осторожны, соблюдайте инструкцию – и все будет хорошо. Удачи.

Я отдал ему подписанный договор, он кивнул и вручил мне мой экземпляр. Ни слова о прошлом, путешествиях во времени, Институте там не было. Фирма-подрядчик нанимала врачей в сельскую больницу на время отпуска основного работника.

Мы попрощались, он пожал мне руку. В ту же минуту в комнату вошел невысокий мужик в джинсовом костюме.

– Андрей, – представился он. – Иван Андреевич, к Михалычу его?

– К нему.

– Новенький, значит. Вещи сдавай, переодевайся и поехали. Часам к девяти будем на месте.

Дальше началась бюрократия. В соседней комнате мне под роспись вручили брезентовый рюкзак и чемодан с вещами и велели переодеваться в присутствии двух сотрудников, следивших, чтобы я не сунул в карман что-нибудь из двадцать первого века. Затем мы упаковали в пластиковый пакет все, снятое с меня, составили опись, уложили в шкаф под ключ. После этого я прочитал инструкцию по технике безопасности – как вести себя в пятьдесят втором году, что происходит в стране и в мире, что можно и чего нельзя (это отняло пару часов, а в конце меня еще и проэкзаменовали) – и расписался, что я с ней ознакомлен.

Затем я съел две капсулы, одна из которых, как мне объяснили, действовала на инфекции, носителем которых я мог быть и к которым люди в пятьдесят втором году могли не иметь иммунитета, а другая, напротив, защищала меня от возможных инфекций прошлого. Ничего подобного мы в институте не проходили, но вопросов я решил не задавать. Я расписался, что ознакомлен с противопоказаниями и не имею претензий, что не болею хроническими заболеваниями и не нуждаюсь в постоянном или ситуационном приеме лекарств, еще в каких-то бумагах, содержания которых я не запомнил. А потом оказалось, что меня уже ждут.

Я вышел. Во дворе стоял УАЗик. Андрей помог мне забраться в кузов, задраил дверь, сказал «не дрейфь», и мы тронулись.

Зря он это мне сказал. Я сразу начал «дрейфить». Я не очень верил в машины времени, зато смотрел современное российское кино. И казалось более вероятным, что мне по приезду «звезданут» по затылку чем-нибудь тяжелым. Только вот что с меня взять? Нищий выпускник. Этим я себя и успокаивал.

А машина тем временем уже тряслась по кочкам, ухабам, пару раз меня здорово подбросило. Я определил, что мы уже выехали из города и даже съехали с приличного шоссе. Гадать, куда везут, было бессмысленно, и я попытался уснуть. Прошло около трех часов, дорога сделалась совсем уж непотребной. Меня стало подташнивать, но тут грузовик затормозил, остановился, двери грохнули и открылись. Андрей помахал мне рукой: «Эй, парень, вылезай. Приехали». Я выпрыгнул и осмотрелся. Лес, болотистая почва, влажная топь. Мы остановились перед покосившимся деревянным забором, за которым стояла ветхая избушка в одно окно. Сарай, куры по двору бегают. Хозяин, крепенький дед, рубил топором большие березовые поленья, и щепки разлетались во все стороны.

– Михалыч, я тебе доктора привез! – крикнул водила. Дед обернулся и замахал рукой. – Заходите!

Я еще раз вспомнил современный российский кинематограф и сообразил, что меня здесь никто не найдет. Михалыч подошел к нам.

– Я, Михалыч, не могу, мне еще обратно, – сказал Андрей. – А то бы с удовольствием.

– Ну и ладно. А молодого человека как зовут?

– Александр, – ответил я. И прибавил на всякий случай: «Николаевич».

– Олег Михайлович. Ну, проходи.

Андрей выгрузил мой багаж, махнул рукой на прощание и уехал. Я с тоской поглядел ему вслед. Михалыч повел меня в избу.

– Да ты не кисни, Саша, сейчас мы с тобой поужинаем, потом я тебе все расскажу. Вопросы-то есть у тебя еще? – Я помотал головой. – Вроде все разъяснили.

– Готов, значит, в прошлое отправляться?

– Готов, наверно...

– Ну и молодец. Подай вон тот чугунок.

Мы накрыли на стол. Гречка с мясом, соленья, пироги, да еще дед сбегал куда-то и при-тащил запотевшую бутылку и две стопки. Я замотал было головой, но Михалыч улыбнулся: «Для храбрости!» А и правда, решил я, и мы славно посидели. Михалыч рассказывал о своем боевом прошлом, как в армии служил, да как к институту прибился. Значился он там темпоральным инженером – или, как говорят, «временщиком». «Только ты меня «временщиком» не зови, – погрозил он мне пальцем. – Вы, небось, доктора, тоже прозвища не жалуете. Не любите, когда вас глазниками да зубниками зовут. А если, скажем, женский доктор...» Я фыркнул – шутка была старая – и налил в обе стопки. И тут обнаружил, что бутылка кончилась.

– Сейчас, Саша, сейчас, – засуетился Михалыч, встал и открыл крышку в подпол. Вытянул из-под половицы фонарик, нагнулся...

– Саша, посвети-ка.

Я встал из-за стола и почувствовал, что ноги слегка заплетаются. Взял у деда фонарик и направил луч в подполье. Что-то тяжело толкнуло меня в спину, хлопнуло по затылку. Изба качнулась, фонарь выскользнул из рук, я упал во что-то мягкое, и на мгновение все погасло перед глазами.

И тут же, в следующую секунду, я понял, что избы вокруг меня нет. По щекам нещадно захлестал дождь, струи воды швыряло ветром из стороны в сторону, и когда я открыл глаза, то обнаружил себя стоящим на четвереньках на обочине сельской дороги, босиком, в мокрой траве. Рядом валялись рюкзак и чемодан. В довершение что-то брякнулось на меня сверху, ударив пониже поясницы, отскочило, и в траву рядом со мной приземлился резиновый сапог.

Я решил, что пора подниматься с земли, и едва успел увернуться от второго – откуда он прилетел, было не рассмотреть, вокруг бушевала стихия. Я натянул сапоги (в них тут же зачавкала вода, но, по крайней мере, они защищали от ударов дождевых струй) и побрел по хлюпающей жиже, ручьями бежавшей вдоль размокшей глинистой дороги. Приложив ладонь ко лбу на манер козырька, я тихонько плелся вперед, грязный и промокший до нитки, едва различая, куда наступаю. О том, чтобы глазеть по сторонам, не могло быть и речи. Все было расчерчено дождевыми зигзагами, лупившими, что есть мочи, сразу во все стороны, и я не сразу увидел, что в центре бури я блуждал не один.

Навстречу мне двигалась человеческая фигура, судя по всему, закутанная в плащ-дождевик и оттого напоминавшая гнома. Человек был невысок, на полголовы ниже меня. Вначале я решил, что ослышался, потом он снова меня позвал, стараясь перекричать шум дождя, и махнул в мою сторону рукой:

– Доктор?!

– Да! – крикнул я в ответ и на всякий случай затряс головой.

– Из города? Что ж Вас до деревни-то не довезли? – возмутился, подойдя, мужик и раскрыл надо мной огромный черный зонт с гнутыми спицами.

– А ну, идемте скорей, а то совсем промокли. А мы с утра еще Вас ждали.

Пока я думал, что тут можно ответить, он продолжил сам.

– А Вас, наверно, здесь высадили – побоялись через поле заезжать. Там даже УАЗики по весне застревают, когда распутица. Нездешний водитель-то, поди? Там в обход деревни другая дорога есть, на нее напрямик с тракта и заворачивают. А по этой почти и не ездит никто.

Я снова закивал – точно, так все и было.

– А я здешний фельдшер. Меня Николаем зовут, – он протянул руку, и я пожал ее. – Но чаще всё Кузьмичом, по отчеству, так я уж и привык.

– Александр, – представился я. Он выжидающе смотрел на меня, и я, спохватившись, добавил, – Николаевич.

Он хитро прищурился и кивнул.

– Ну, будем знакомы.

Мы протопали некоторое время молча, преодолевая сопротивление ветра. Потом он стих, и последние капли дождя упали в траву крупной россыпью. По ощущению, было около шести вечера.

Дорога стала приметно забирать вверх, мы поднялись на небольшой пригорок, и с него я, наконец, увидел всё. Внизу, чуть поодаль, вдоль дороги тянулась деревня, дальше зеленели поля, темнел еловым гребнем пролесок, серебрилась речка. И вдруг, словно кто-то изменил настройку контраста на мониторе, большое стальное облако сдвинулось и двадцать третье июня одна тысяча девятьсот пятьдесят второго года озарилось солнцем. Краски засияли ярче, в мир пришли тепло и покой, и лишь прямо над моей головой кусочек неба еще хранил холодный льдистый оттенок. Потом в нем проступила маленькая радуга.

1952 год

Меня определили на постой к одинокой старухе, проживавшей в небольшом домике неподалеку от центра. За умеренную плату она согласилась меня кормить, а я сгоряча пообещал носить воду с колодца, ну и помогать по хозяйству, когда смогу. Она только отмахнулась. Знала, видно, что не смогу почти никогда, а может, ей и не слишком требовался помощник, или она не ждала толку от городского, а что я сам родом из деревни, ей было невдомек.

– Доктор, что ли? – строго спросила она, глядя на меня, как мне показалось, с подозрением. – Молодой больно.

– Дело поправимое, – вставил Кузьмич. – Я молодой-то, знаешь, какой был, Игнатьевна? Ух! Это я теперь вон старенький, скрюченный...

«Игнатьевна» засмеялась и шутливо замахнулась на Кузьмича: «А ну, иди, не отсвечивай. Доктор-то с дороги, поди, уставший, голодный...».

Кузьмич сказал, что он тоже и уставший, и голодный, но жалости не снискал и отправился восвояси. С Полиной Игнатьевной они, похоже, были в добрых отношениях и постоянно подкалывали друг друга.

Бабка оказалась немногословной, но, в общем, не злой. Я расплатился за месяц вперед «командировочными», изо всех сил стараясь не разглядывать деньги при ней.

Комнату мне отвели небольшую, в ней стояли железная кровать, застеленная чистым бельем, массивный добротный шкаф, стул и маленький столик. Умывальник и удобства во дворе, колодец там же.

Из построек во дворе были еще баня и сарайчик. Баня уже топилась (и когда бабка успела?), а из сарая, оказавшегося по совместительству еще и курятником, по двору разбежались курицы, рыжие в черную крапинку. Хозяйка сноровисто загнала их обратно, вручила мне полотенце и отправила мыться.

Потом был ужин, незатейливый, но вкусный, после него я разобрал вещи и вдруг понял, что устал. На любопытство «посмотреть, что и как» сил не осталось, и я уснул.

...Бывает такое, что, проснувшись и еще не открывая глаз, уже хорошо чувствуешь, что вокруг тебя. Невозможно спутать пробуждение в общежитии и дома у родителей, в городской квартире и деревенском доме. И даже если ты вчера крепко поддал и не очень помнишь, где находишься, с первых секунд пробуждения, когда и глаза-то открыть боязно, мозг уже «сечет», что что-то не так и ты не там, где обычно.

Я проснулся и сразу вспомнил все. Я знал, где я, и даже почему-то заранее верил, что все правда. Именно поэтому я лежал, укрытый чем-то теплым, в позе эмбриона и панически боялся открыть глаза. Сверху давила пустота. Подо мной была огромная перина, шероховатая наволочка пахла лугом, а сквозь полуприкрытые веки в мой уютный мир лился солнечный свет. Хватит пока и этого, подумал я, буду осваиваться постепенно. Я в прошлом. Вот привыкну к этой мысли и смогу осмотреться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.